

Мифология одной лодки

Лодка (1)

Проснёшься — словно море в окне
как будто начнёшь этот день без потерь
в глазах нет усталого мира
лишь утро прозрачной воды
и берег
у сердца

там ветер поднялся с волны
и тронул притихшую лодку...

Но ты уже встал
Ни ветров ни морей
В окне только город из гулких камней
как риф из поблекших кораллов

как бухта
застрявших-на-век кораблей
как в скалах прибой без умолку

Но ты улыбнулся —
и ветер возник
слетел с твоих губ и качнул материк
как лёгкую лодку...

По-московски снежный апрель

Как душа далеко! —
на одном из своих островов
где мотель мотыльков
расцветает кустом олеандра
и лениво тычется бриз
в лепестки парусов

где причалы —
всего лишь террасы
случайно продлённые в море
а по склонам
лежат диадемы из ящериц
сонно украсивших лбы валунов

Там бежит по растресканной глиняной тропке —
по черепице — по кровле согретого мира —
солнечный луч

Мать-и-мачеха ландыш-лесной
уже слышат его приближеньё
Ветры полные птиц
подступают к болотной столице —

поздно думать о грустном:
о мутном дне у окна
где сугробов глазурь...

Иногда хочется встретить
утраченную когда-то книгу

или на берегу
как морскую раковину
найти девушку
и приложить её тело
к уху —
и слушать в ней тёплое море...

Я ищу это море как книгу
о которой не помнит никто

ищу чувство-пристанище
как утраченную когда-то девушку
сокрывшую в себе
море
с моими берегами...

Без атласа чувств,
не зная ландшафта и нрава,
легко потеряться в женщине,
на которую ты ступил,

в аметистовой свежести её морей
ты встретишь время,

и, как чудесная рыба-мгновенье,
будешь выбрасываться на её берега,
оплетаемый рубцами морщин
от её рыбацких сетей,

и однажды ты останешься
только в её сердце —
но даже с подробным атласом её чувств
я не знаю где это.

Мне бы встретить однажды
неброскую девушку
в ситцевом платье,
что прошлась по прибрежным пескам и забылась,

мне бы вспомнить-найти
и вернуть то мгновенье
в разливах заката,
где сгорает и тонет мой взгляд,
увязавшийся вслед за её силуэтом...

Мне бы видеть её отмыкающей-дом-мой,
живущей подле подушки,
истёртой щетиной,
чтоб мог её обрести сразу
сердцем...

Как же смотрит она мне в глаза!
пока я её сочиняю —
пусть не всю целиком, пусть наброском,
неточным эскизом, абрисом тонким... —

только б вспомнить её,
обернуть силуэтом, представить
отмыкающей-сон-мой
беспечно
свежестью моря...

Когда есть ты —
 есть повод уцелеть
на обледенелом шоссе одиночества,
у кромки грусти,
балансируя на тросах дней,
на которых ещё удерживается
 материк сердца —

он дрейфует,
ударяясь о другие...

Но есть повод уцелеть
для твоих губ,
 обрисованных улыбкой приветствия,
 цветущих во всех галереях моих грёз,

уцелеть для твоего пробужденья —
ведь ты не сможешь открыть глаза в пустоту!

есть повод нам всем уцелеть —
даже если мы останемся
 только снами друг друга,

но у нас ещё остается жизнь
для этих снов...

Портовая гавань!
гремящая над водой
 якорными цепями лучей —

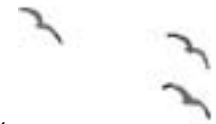
здесь швартуется солнце.

Белые чайки криков,
вылетающие из бронзовых тел
 такелажников,
сядутся на волны,

а белоснежный матрос
зависает как дверь-в-синие-дали.

На берегу
под опрокинутой лодкой
бёдра любовников вторят
 биению моря...

и только в забытых напевах
морячки стоят у причалов,
обернутые в бесконечную
парусину ветров...

Лодка безмолвно лежит на волне —
И ты ей подобна на вмятых подушках
среди утихших клубов простыней...

но проснись же,
отбросив с лица безупречный, как луч,
оранжевый локон...

я жду твоих глаз,
чтобы между скруглённых твоих пирамид,
что южнее лица, рассказать
как вернулись с уловом чуть свет рыбаки,
как бесшумно кружат над заливом голодные
лёгкие крылья,
как девушка звонко раскрыла окно
с надеждой увидеть кого-то на узком причале...

Как мал городок!
уместившийся весь на ладони, —
я зачерпнул его для тебя и положил на подушку,
чтобы ты, пробуждаясь, вдохнула море
сквозь узкие улочки,
по склонам бегущие к гавани...

И вот, подобный локону луч
лег через площадь к нефам собора и дальше — к причалу —
сверкающий локон,
вслед за которым, отчалив от горизонта подушки,
качнулась ко мне
твоя лёгкая лодка
улыбчивых губ...

28

Разглядывая ветер побережья
играющий страницами
попробуй удержать миг неги —
когда день влажен
 в кусте мускатной розы
и сладок горечью оранжевых пространств,
над морем угасающих...

Что сердцу говорит рисунок неба
в закатный час? —

не-мыслимое
не облачённое в одежды мира...

В лёгких ожогах
от солнца,
медуз
и желаний
бреду побережьем,
неся в голове всё
что может сложиться в твой облик,

и пока я иду в раскалённом прибое без цели,
ветер тащит на берег волну за волною,
и они, выбегая,
прозрачно несутся в пустыню —
верблюдицы ветра...

а то, что ещё остаётся тобою и морем,
бьётся без цели в палящее небо
лета-скитанья...

На венценосных травах
среди куфически-растущей повилики,
среди деревьев,
впадающих ручьями веток в небо —
мечтаю о тебе —

целую ли другую, откладывая книгу в ночь,
или иду в волне по пояс к лодке —
я сердцем там,
где о твоей улыбке
не счесть моих легенд,
где побережья — плен,
где солнце — заточенье
в шатрах лучей,
где можно век смотреть
на поступь молодой аборигенки,
как будто чаша терпкого напитка в ней до краёв...

но, чай заваривая в азиатском зное —
в слепящих бликах этой пустоты —
стремлюсь туда, где затаилась робко
за горизонтом губ твоя улыбка

как блик мечты...

*Мавританский плащ
(накидка)*

Как быстро выцвел здесь
у моря
мой мавританский плащ

но как мне нравится
отцветшая накидка
пропахшая лучами

Латая зиму в северном краю
я часто буду в ней сидеть
и слушать
воспоминанья сердца

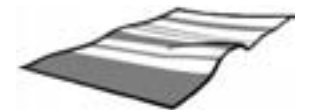
Мавританский плащ

Мне нравится как выцвел
мой мавританский плащ
пока скитался в нём по побережьям —

там днём меня под ним щадило солнце
а ночью он таил стыдливых дев
скрывая нашу страсть и наготу
от ветра

Когда-нибудь
перебирая ветхое старьё
наткнушь на плащ, забывший свой узор
на давних побережьях —

И запах знойных дней-скитаний
согреет кровь

Картинка с моря

Словно бумажные
 кораблики чаек на глади,
где такие же белобокие корабли
слетелись в гавань
 к тёплой дремоте...

И вдруг, прибежал ветерок и толкнул их...

Корабли потревожено вздрогнули, галдя якорями,
а чайки лениво качнули бушпритами клювов,
и некоторые из них накренились,
 окончательно промокнув
 бумажными днищами...

Окно над морем.

Я чувствую глазами —
 где-то остров
на море с изобильем берегов и темнокожих
оливковых теней
по склонам.

Я там сбегая вниз
 по неприметным тропам
к беседке, где на каменном столе
оставлен завтрак для меня гречанкой —
кувшин и хлеб.

Вот так найти себя! на дальних островах,
где зной и ветер
с тебя до камня обдирают плоть...

где ты — не плоский снимок из альбома,
а утро гор, оливковая роща
и кобальт волн —

звнящее в распахнутом окне
воспомианье...

В одной лодке с морем

Мерцанье мира —
в мириадах волн,
где ночь тепла,
рождаемая морем
 из раковин,
из рта прозрачной рыбы,
из воспаренья царственных глубин.

Обложены,
как губы поцелуем,
 ночной водой
разматываем сети
и мерно погружаем за корму —

жизнь водорослей,
 бризов и столетий
сгущается в священный запах моря —
и рыболов с жемчужною подсветкой
луны прозрачен,
 невесомо тих.

В его спине плывут большие рыбы,
и я уже не в силах различать
его и море —
тёплым монолитом
они мне дарят
древнее родство...

Насквозь прожжённый солнцем,
рыболов
ногой — в который раз! — отталкивает берег
и без оглядки
с кормы уходит
к носу корабля...

а мы стоим, как на плоту,
на утренней ещё холодной гальке,
и море нас несёт в обычный
пляжный день...

а там, уже как точка,
стоит неколебимо,
забросив сети,
тот самый
прокалённый морем парень,
что оттолкнул ногою
плот земли...

С прибрежных сопок
направляюсь к морю,

на городском причале
меня давно сочли за чудака
который заглядывает в трюмы
рыбацких катеров —

там рыбы! — как утихшие доспехи
из тёмной стали
с блестящими клинками плавников,
с холодными
жемчужными глазами...

Сверкала сила в выгнутых телах,
когда рвались капроновые путы —
в той битве было всё предreshено,

но рыба-меч, от солнца задыхаясь,
звенела лезвием о палубные доски
и красотой пугающей куда-то
по ним плыла
звенела...
и плыла

Сидеть у моря
и вспоминать другие берега,
где в дымке горизонта
проходят корабли
как белые стада,

где рыбы
поднимаются из волн
коснуться солнца
и рушатся клинками в глубину —
как будто вмиг распались письма —
столбцы древнейших рун

На дне укрылись
храмы-города
с зерном в кувшинах
с клинописью в глине —
моллюсков племена
обжили рукотворные дворцы —

над этой захлебнувшейся землёй
парят шары медуз
и днище лодки кружит над улицами
день за днём
бросая в воду смуглых
ныряльщиков...

И есть ли смысл всё помнить,

что таят моря,
что в толщах времени
оставлено забвенью —
Но в дымке их глубин
я чувствую как где-то для меня
оставлен берег,
чтобы по тропинке
я мог сойти к нему
и сесть у моря...

Солнце уже с утра
красит доски навеса,
плющ, одетый в охапки красных цветков,
прилежно взбирается
по этим тёплым
уютным доскам,
зависая над миром бризов,

а в моё окно заглядывает, обвивая,
лоза-вьюнок,
вытягиваясь из цветочной уличной вазы —

белоснежная гроздь
растрёпанных колокольчиков —

в рассветных лучах они сливаются
в прекрасный локон
ускользающего сновиденья...

Ветренный день

Баллада о прекрасных

Девушка повернула голову —
и волосы тёплой волной
обошли её плечи, коснувшись груди...

Девушка оглянулась —
чувствуя как волны её сверкающих нитей
что-то качнули...

и ветер поднялся, пошёл по листве,
по лагунам, предгорьям, по морю —
вырвался вслед,
натываясь на башни, колосья и обелиски,
опрокидывая корабли и лёгкую утварь в беседке —
ветер! рождённый
когда она оглянулась —
как будто её позвал чей-то взгляд!

И волны прекрасных волос накрыли весь мир.
Он замер ошеломлённый...

И только ветер пронёсся —
пастухи принагнулись к стадам,
турбулентно вздрогнули лайнеры в небе.
А мальчик у берега, ждавший волну,
чтобы та развалила песчаную крепость,
сам промок от его окатившего гребня —

море качнулось и омыло собой берега,
повторяя движенье сверкающих прядей.

А девушка шла-уходила,
и надо было бы крикнуть ей в след:
постойте! Мир замер и всколыхнулся
от ваших прекрасных...

Спрячьте их под косынку, под шляпку,
в пучок соберите —
нельзя же так долго всем не дышать,
замерев от восторга!
и в то же время раскачивать сердце волною,
как материк...

Я готов, если будет на то позволение,
сам собрать их немедленно
в шелковистую тень мироздания,
в нежный шёпот ночей,
в утренний сон,
у которого путь лишь один к пробуждению —
мой поцелуй.

И она обернулись ко мне...

и волна побежала
упругим накатом,
сметая во мне корабли и колосья,
песчаные замки унынья...

И меня развернуло к ней и сорвало
в щебеты моря
в прибоях взволнованных птиц...

Сколько радостных книг
будет подарено морем! —
только б успеть в этих брызгах
прочсть, укрываясь ладонью,
берег каждой строки:

так осторожные тайны
не омертвеют в ракушечник —

ты будешь навек спасена
от бешенства брошенных книг.

В оцепененье смотрю
как погружаешься в волны,
и море шепчет губами
твои совершенные ноги,
смывает с них тайные знаки
моих поцелуев
и плавно
выносит отмытую горечь
сиреневой плёнкой медуз...

Южные сны

В доме столько вещей
будто их приносили разные люди —
кто-то был важен себе или весел
или всегда не у дел.
Я знал их? или забыл? или сам сотворил
этот хаос...

Но как мне без них! —
разноцветные зонтики, груды ботинок,
ступени лестниц, нацеленных в стеллажи облаков,
обросшие книгами стены,
ракушки и камни со всех островов, где я мог бы любить
встретить утро за кофе, картины на гнутых гвоздях,
переулки на кухню к воспетому меду, цветочные вазы,
корзины с плодами из сада, где кто-то меня посадил у скамьи
и пропел по-пчелиному. — Всюду обрывки бумаг
будто был распакован весь мир в день подарков ребёнку...

обрывки...

их подбираю, улыбкой читая несвязные фразы,
и озираюсь в вихре весёлом
хаоса чувств...

Какое счастье
обладать минувшим —
где мама штопает рукав
в вечерний час,
увитый виноградом...

в моё лицо чуть-дует ветерок,
дразня фиалкой и мускатной розой —

я, жмурясь, жду...

и мягкий луч заката
как игла
меня прихватывает к рукаву
вечерней ниткой —

и так стежок к стежку —
я остановлен иглами тепла,
прижат к себе
там-тихо-засыпающему...

С песка поднимая ракушку,
сердце моё приложила
и услышала в шуме себя —
учащенное тремоло пенистых гребней,
болевое биение волн
в скалистые ребра...

и прыснула смехом.

Тщеславье любимых — как ветер,
срывающий кожу с сердец-островов.

и я загрустил,
рождая в прибое свою Афродиту.

□□□

С горы
по руслам высохших ручьёв
струится воздух
хвойный и прохладный,

у виноградника
наброском карандашным
пасётся ослик,
не оборачивая головы на поезд,

а над туманом,
плывущим вниз по каменной реке,
протянут мост —
скрипят тросы,
когда старик с ребёнком
идут гуськом над пропастью ущелья

и я не знаю кем из них мне быть —
ребёнком... старцем...

или же плывущим
в объятья моря
лоскутом тумана? ...

□□□

Лoo!
полдень над ним висает на целый задумчивый день —

здесь солнце без времени дремлет
как рыжий от ржавчины буй
на глади лазурной лагуны

И только крохотный чек,
прижатый чашечкой кофе,
напомнит скитальцу число —

сквозь бриз в нём едва пропечатан
вечный июль на исходе...

□□□

Вдоль берегов обломки кораблей
в кирпичной ржавчине —
как выжженные солнцем.

Они незримо тонут в звонкой гальке,
что год от года
их всасывает
мерно
вглубь земли...

В Лоо остановилось море,
а с ним и солнце...

Дрожит лишь воздух —
призрак побережья,
и белизной сверкают паруса
да так, что ослепляют ветер —

и тот незряче чуть-двигается
без направленья в Лоо,
на ощупь тычась в зонтики мимоз.

И каждым утром
патруль дельфинов
входит в бухту Лоо.

В Лоо нет звёздных отелей,
бульвара с фонтаном и статуи мореходу.

Но почему-то все поезда застревают в Лоо надолго...

В Лоо бесконечно стоят поезда
под лазурным небом
с промытой галькой звёзд
и цветочным ветром,
сорвавшимся с ветки мимозы.

И ещё в Лоо остановилось море...

Кому безразличен прибой,
чья душа не погружается в море
с вечерним солнцем,

кому мешают камни уснуть у воды,
кто считает минуты загара —
Лоо не для таких.

Хотя и романтикам он не годится —
Лоо как-то сам по себе изнывает
под солнцем в китайской мимозе,
плеснувшей цветочные космы
на жерди шербатых заборов...

И странно всем кого не спроси
почему они здесь

и мне странно со всеми
быть в Лоо.

Как будто твердь оттаяла в лазурь
и стала морем —

в нём видятся мне стройные пловцы —
они парят над глубиью —

как чайки в полдень в глубине небес...